

ДЕСАНТ ЗА КРАСОТОЙ

ОТ МОСКВЫ ДО МАНЬЧЖУРИИ: ПУТИ ПОЗНАНИЯ
МИХАИЛА АНЧАРОВА

ВАСИЛИЙ АВЧЕННО
Журналист, прозаик. Родился
в 1980 году в Ирнгутской
области, вырос и живет
во Владивостоке. Окончил
журфан ДВГУ. Автор
документального романа
«Правый руль» (2009,

переведен на японский),
беллетризованной энцикло-
педии-путеводителя «Глобус
Владивостока» (2012), фанта-
стической киноповести
«Владивосток-3000» (2011,
в соавторстве с музыкантом
Ильей Лагутенно).

Его влекло все – живопись, литература, музыка, кино. Человек разумный, считал он, – это непременно человек творящий, открывающий. Писатель, художник, бард, драматург Михаил Анчаров родился в Москве век назад, 28 марта 1923 года.

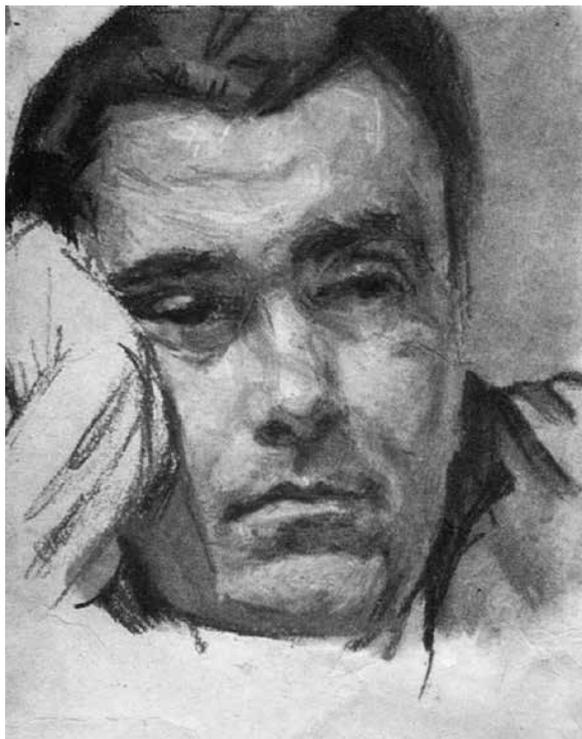
Китайская грамота

С началом войны явился в военкомат. Хотел попасть в летчики – а получил направление в сформировавшийся тогда Военный институт иностранных языков Красной армии.

Новый вуз создавал генерал Николай Бязи – человек не просто незаурядный, а штучный, редчайший, готовый герой романа. Внук Александра Пальма – петрашевца, осужденного с Достоевским, подпоручик Первой мировой, полиглот, автор работ по лингвистике и военному делу («Техника допроса пленного», «Словарь французского военного жаргона», «Действия в горах»), чемпион СССР по стрельбе, первый в стране футбольный судья, глава Всесоюзной секции бокса... В разгар войны Бязи формировал на Кавказе отряды лыжников для борьбы с альпийскими стрелками. В 1944-м вернулся к руководству институтом.

Выпускников ВИИЯКА направляли в армейские разведслужбы, военную контрразведку Смерш, органы НКВД. Многие из них позже прославились на других фронтах: композитор Андрей Эшпай, писатель Аркадий Стругацкий, актер Владимир Этуш, мультипликатор, создатель «Каникул Бонифация» Федор Хитрук, журналист-международник, автор «Ветки сакуры» Всеволод Овчинников...

В основном курсанты, понятно, учили немецкий, знакомый еще по школе. Зачастую дело ограничивалось полугодовыми курсами – и вперед, на фронт. Анчарову, однако, почему-то выпало учить китайский.

↑ Михаил Анчаров.
Автопортрет

Китай был одной из главных надежд красной Москвы. Еще в 1920-х знаменитый военачальник Василий Блюхер помогал китайским лидерам – Сунь Ятсену, а потом Чан Кайши – строить современную армию и объединять раздробленную страну. Когда стало ясно, что ставка на Чан Кайши не оправдалась, Кремль поддержал оппозицию – коммунистов Мао Цзэдуна. После того как в 1937 году Япония, ранее уже оккупировавшая Маньчжурию, начала большую войну против Китая, Мао и Чан заключили временное перемирие. СССР помогал Китаю техникой, направлял летчиков-добровольцев (включая таких асов, как Тимофей Хрюкин, Павел Рычагов, Степан Супрун; именно в ту пору уходят корни фольклора о «китайском летчике Ли Си Цыне» – советские пилоты воевали против японцев негласно). Военными советниками в Китае служили будущие маршалы Рыбалко, Чуйков, Батицкий. Квантунская группировка японских войск стояла в Маньчжурии – на дальневосточных рубежах СССР. Уже в 1938-м с японцами пришлось драться у приморского озера Хасан, в 1939-м – у монгольской реки Халхин-Гол. Помогая Китаю, СССР прикрывал и собственные границы. Новая большая война казалась неизбежной, а востоковедов, многие из которых сгинули в годы ежовщины, отчаянно не хватало. Вот почему ВИИЯКА готовил специалистов по Китаю и Японии даже тогда, когда немцы рвались к Москве и Сталинграду.

С китайским полугодовыми курсами было не обойтись. Многих отсеивали: не давались иероглифы, чуждый синтаксис, четыре тональности... Анчаров, еще до войны занимавшийся живописью, выводил иероглифы с удовольствием, впоследствии даже даты под стихами ставил по-китайски. Кроме языка и военных дисциплин, изучал географию, историю, культуру Китая. Институт, эвакуированный и возвращенный в столицу, окончил в конце 1944 года – последний выпуск по ускоренной программе.

Младшего лейтенанта, переводчика первого разряда Анчарова направили в военную контрразведку Смерш Наркомата обороны, которой руководил Виктор Абакумов.

Маньчжурский август

Весной 1945 года СССР, готовившийся по соглашению с союзниками вступить в войну против Японии, денонсировал пакт с Токио о нейтралитете. 9 августа границу Маньчжоу-го (марионеточного государства, созданного Японией на северо-востоке Китая еще в 1932 году) перешли войска 1-го Дальневосточного, 2-го Дальневосточного и Забайкальского фронтов. Наступление велось одновременно со стороны Приморья, Хабаровска, Читы. Театр военных действий превосходил площадь Германии, Италии и Японии, вместе взятых. Секретная переброска войск из Европы, переход через пустыню Гоби и хребет Большой Хинган, прорыв пограничных укрепрайонов – так началась Советско-японская война, маньчжурский блицкриг маршала Александра Василевского.

22-летний Анчаров, летом 1945 года направленный в Приморье, принял участие в этой кампании в рядах 1-го Дальневосточного фронта маршала Кирилла Мерецкова.

Известны два письма Михаила родным, отосланные с Дальнего Востока 22 июля и 24 августа 1945 года. В первом он сообщил о прибытии в некий маньчжурский город. Авторы книги «Михаил Анчаров. Писатель, бард, художник, драматург» Юрий Ревич и Виктор Юровский предполагают, что речь идет о Муданьцзяне. Однако до 9 августа Красная армия маньчжурских границ не пересекала. Скорее всего, Анчаров подразумевал Уссурийск (в 1935–1957 годах – Ворошилов).

Во втором письме Анчаров писал: «Техника основная у японцев оказалась слабой. Японской авиации мы почти не видали. Все воздушные бои оказывались для них проигранными, танки у них не сильные. Я сам видел, как наш тяжелый танк раздавил японский». Позже эти впечатления превратятся в «Балладу о танке “Т-34”»:

*...Я давил эти панцири
Черепаш,
Пробиваясь в глубь норы,
И дзоты трещали,
Как черепа,
И лопались, как нарыв...*

Поиски документов о награждении Анчарова орденом Красной Звезды отняли у биографов немало времени. Оказалось, что в соответствующем приказе по 1-му Дальневосточному фронту от 27 августа 1945 года значилась фамилия «Гончаров» – по ошибке или из соображений секретности? Орден Анчаров получил вот за что: «Будучи выброшен в районе г. Муданьцзяна, показал себя смелым и решительным командиром и умело выполнил ряд заданий командования». Обращает на себя внимание слово «выброшен» – получается, это был парашютный десант? Почему – «смелым командиром», а не «грамотным переводчиком»? Ревич и Юровский пишут: «Выпускники ВИИЯКА в своих воспоминаниях сообщали, что Анчаров принимал непосредственное участие в захвате и аресте правительства Маньчжоу-го в Чанчуне во главе с последним китайским императором из маньчжурской династии Цин по имени Пу И... Полагаем, что к ордену Анчаров был представлен как раз за участие в этой операции».

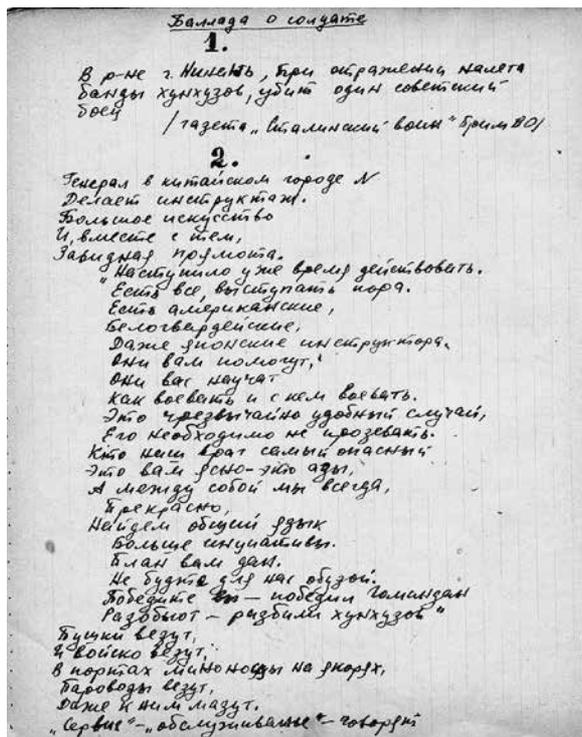

↑ Михаил Анчаров
в Маньчжурии

→ Автопортрет, 1946

Айсиньгеро Пу И впервые стал императором Китая еще в 1908 году, в двухлетнем возрасте. После Синьхайской революции 1911 года был низложен. В 1917 году его вновь провозгласили императором – всего на две недели. Позже японцы сделали Пу И главой «Великой Маньчжурской империи». Однако ни он, ни премьер-министр Маньчжоу-го Чжан Цзинхуэй реальной власти не имели, все вопросы решала японская администрация. 19 августа 1945 года Пу И захватили советские десантники. Произошло это, уточним, не в Чанчуне (Синьцзине), где находилась столица Маньчжоу-го, а на аэродроме Мукдена (Шэньяня), откуда императора должны были вывезти в Японию. Пу И попал в Хабаровск на «спецобъект 45» – лагерь для японских генералов и маньчжурских министров. Он не был обычным заключенным – его учили русскому языку, приобщали к идеям коммунизма. В 1946 году Пу И выступил свидетелем обвинения на Токийском процессе, дав показания против японских военных преступников. В Китае трижды низложенный император возвращаться не хотел – просил оставить его в СССР, заверял, что проникся идеями Маркса и Ленина, обещал передать свои драгоценности на восстановление народного хозяйства СССР. После того как в 1949 году возобновившаяся в Китае гражданскую войну выиграли коммунисты Мао, императора все-таки вернули на родину. Он попал в «лагерь перевоспитания», после освобождения работал в ботаническом саду Пекина, архивариусом в национальной библиотеке. Мы не можем утверждать наверняка, что Анчаров участвовал в захвате или допросе Пу И, но часто ли военные переводчики получали боевые ордена за ту короткую войну?

Есть фото младшего лейтенанта Анчарова в Маньчжурии – красивый, тонкий, интеллигентный; как не похож этот офицер военной контрразведки на звероватых и упыреватых смершевцев, которых показывают нам современные кинематографисты...

↑ Михаил Анчаров
в Маньчжурии

→ Автографы маньчжур-
ских стихов «Баллада
о солдате»

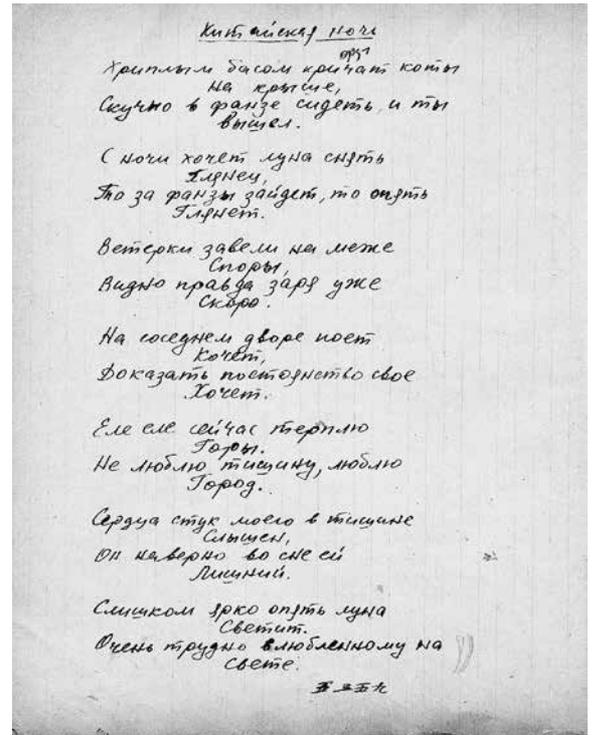
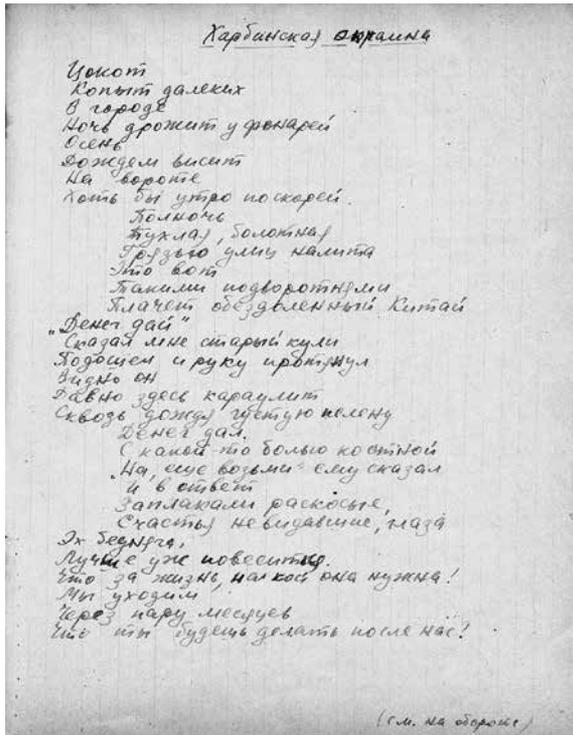
В мае 1946 года Смерш расформировали, передав штаты в МГБ. Так что Анчаров недолго побыл и «гэбистом».

Из Маньчжурии он вернулся в конце 1946-го. Год спустя подал рапорт об увольнении. Вспоминал: «Не отпускали, а я просто смертельно хотел учиться живописи. По ночам краски снились... Я там на работе портреты всех сослуживцев сделал, но, к сожалению, в институт их представить не мог, потому что физиономии сослуживцев были не для показа».

В прозе и песнях Анчарова маньчжурско-дальневосточная тематика занимает немало места. Еще в 1942 году он написал песню на стихи Веры Инбер, заменив Берлин Чунцином (этот город в период Японо-китайской войны 1937–1945 годов одно время играл роль столицы Китая) и явно намекая на помощь Советского Союза:

*Быстро-быстро донельзя
Дни пройдут, как один.
Лягут синие рельсы
От Москвы на Чунцин...*

Маньчжурии посвящен ряд стихотворений Анчарова – «Баллада о солдате», «Родимый дом», «Харбинская окраина», «Китайская ночь»... Первая публикация его прозы – сценарий «Баллада о счастливой любви», написанный вместе с Семеном Вонсевером (тоже участником войны с Японией) и опубликованный в 1956 году журналом «Искусство кино». В нем рассказывается о любви китайки Мэй и русского маньчжурца Василия. Фильм собирался снимать Станислав Ростоцкий, но обострение советско-китайских отношений поставило на замысле крест. В следующем сценарии – «Солнечный круг» – лейтенант, вернувшийся с Дальнего Востока, создает солнечную электростанцию. Действие сценария Анчарова и Вонсевера «До свиданья, Алеша» разворачивается опять же на Дальнем Востоке после войны. Мальчик

† Автографы маньчжурских стихов «Харбинская онраина», «Нитайская ночь»

Алеша ненавидит японцев, убивших его отца, но вот японец Таро спасает тонущего Алешу, и они вместе идут на рыбалку.

Неудивительно, что трехнедельная война с Японией попала в тень Великой Отечественной – слишком скоротечной она оказалась, слишком далеко шла. Она не могла дать мощного потока «военкорской» и «окопной» литературы, который породила Великая Отечественная. «Орлы над Хинганом» Георгия Маркова, «Жизнь моя, иль ты приснилась мне...» Владимира Богомолова – вот редкие примеры переплавки маньчжурского августа 1945 года отечественной словесностью. В этом же ряду – повесть Михаила Анчарова «Этот синий апрель...» (1967). Пожалуй, это лучшее художественное свидетельство той войны, насыщенное множеством редкостных живых деталей; проза и «лейтенантская», и востоковедческая, описывающая в том числе русских эмигрантов-харбинцев. Герой повести – «благущинский атаман» Гошка Панфилов, плюс-минус автобиографический персонаж, появляющийся у Анчарова там и тут. Именно его глазами описано наступление из Приморья в Маньчжурию: «...Однажды ночью всех подняли и сказали – “началось”. Сели в машины и, не гася фар, помчались к границе. Потом погасили фары, и стало слышно, что началось, – вдали грохотало и перекачывалось. Техники навезли немыслимое количество, артиллерии по пятьсот стволов на километр, через два метра – орудия. Квантунцы долбили свои сопки двадцать лет и прорыли в скалах муравьиные ходы и укрепили границу здорово, это были не финские бетонные доты, а скалы, утыканные орудиями и казематами. Дорога вилась между сопки, единственная, по бокам торчали страшные сопки – Офицерская и Верблюд, и взять их было нельзя, можно было только накрыть огнем». Среди запоминающихся сцен – сдача в плен полуроты японцев: «Они выходили по одному и осторожно, все еще осторожно, свыряли винтовку в кучу и снова становились в строй, и только последний свырнул ее с силой, зло, не доходя до кучи, она воткнулась штыком и торчала при-

↑ Владимир Высоцкий и Михаил Анчаров. Москва, 1966 год. Политехнический музей. Фото Геннадия Гущина

кладом вверх, как на плакате. И он не встал в строй, этот последний, а снял свою желтую фуражку, похожую на жокейскую, вытер лицо и побрел прочь. Но подполковник испуганно окликнул его, и он вернулся в свою шеренгу». Теперь можно только гадать о том, где в этой повести – собственные воспоминания Анчарова, где – рассказы товарищей, а где – неизбежный художественный вымысел.

Песенное эхо

Песни он сочинял с 1937 года – сначала на стихи Александра Грина, Бориса Корнилова, Веры Инбер, потом на свои. Знаменитая впоследствии «Бригантина» на слова Павла Когана (как и Анчаров, военного переводчика) и мелодию Георгия Лепского тоже родилась задолго до войны. Но в домагнитофонную эпоху эти песни еще не оформились как особый культурный феномен, оставаясь скромным элементом городского фольклора.

В 1960-х с появлением Окуджавы, Галича, Высоцкого, Визбора, с одной стороны, и общедоступных магнитофонов – с другой бардовские песни захлестнули весь Союз. Вместе со стихами Вознесенского, Евтушенко, Рождественского, Ахмадулиной они кажутся советской версией западного рок-движения. А зачинателями этой песенной традиции следует признать Михаила Анчарова и Новеллу Матвееву.

Анчаров пел под немудреный семиструнный аккомпанемент – и песни уходили в народ: «МАЗы», «Большая апрельская баллада», «Баллада о парашютах», «Сорок первый», «Кап-кап», «Стою на полустаночке»... Галич говорил, что начал сочинять песни под влиянием Анчарова. На Высоцкого Анчаров повлиял сильнее, чем кто-либо другой, пусть позже Высоцкий и называл своим учителем Окуджаву. Мелодика, интонация, проблематика, темперамент Высоцкого куда ближе именно к Анчарову.

† Москва, 1966 год,
Политехнический музей.
Фото Геннадия Гущина

Из анчаровской «Баллады о парашютах» (1964):

*Парашюты рванулись,
Приняли вес.
Земля колыхнулась едва.
А внизу – дивизии «Эдельвейс»
И «Мертвая голова».
Автоматы вили,
Как суки в мороз,
Пистолеты били в упор.
И мертвое солнце
На стропах берез
Мешало вести разговор.
И сказал господь:
– Эй, ключари,
Отворите ворота в сад.
Даю команду
От зари до зари
В рай пропускать десант...*

Через пару лет в песне Высоцкого «Мерцал закат...», написанной для фильма «Вертикаль», появятся альпийские стрелки из горнопехотной дивизии «Эдельвейс». Еще позже он напишет о летчиках, без очереди, как анчаровские десантники, попадающих на небеса:

*Архангел нам скажет: «В рай будет туго!»
Но только ворота – щелк,
Мы бога попросим: «Впишите нас с другом
В какой-нибудь ангельский полк!»*

† Михаил Анчаров.
Освобождение
Маньчжурии

В финале анчаровской баллады мертвое светило воскресает:

*...И мирное солнце
Топочет в зенит
Подковкою по камням.*

Эхо этого образа – в «Черных бушлатах» Высоцкого, тоже посвященных десанту, только не парашютному, а морскому, в песне «Мы вращаем Землю»:

*Нынче по небу солнце нормально идет,
Потому что мы рвемся на запад.*

Анчаров спел о Канатчиковой даче – Высоцкий вслед за ним тоже. «МАЗы» переселились из песни Анчарова в «Дорожную историю» Высоцкого, анчаровское «Она была во всем права...» перевоплотилось в «Она на двор – он со двора...». Анчаров пел от имени танка, Высоцкий – от имени самолета; можно без труда найти гигантское количество более или менее очевидных переключек.

Может быть, самое ценное в песнях Анчарова – интонация. Слушаешь и понимаешь: это с тобой говорит мудрый и добрый человек. Так нечасто бывает – чтобы юмор без зубоскальства, чтобы грустно и весело одновременно. Вокальное, музыкальное и инструментальное несовершенство здесь только кстати: кажется, что ты просто сидишь за столом с близким человеком. То же обаяние – у прозы Анчарова, которая сейчас почти не переиздается, уйдя, как и песни, куда-то в тень. А когда-то его вещи то и дело печатались в «Юности», «Москве», «Смене», книги выходили одна за другой: «Как птица Гаруда», «Самшитовый лес», «Сода-солнце», «Записки странствующего энтузиаста», «Теория невероятности», «Золотой дождь», «Дорога через хаос», «Голубая жилка Афродиты»...

Естественное поведение

С юности его тянули к себе, кажется, все сферы искусства и познания. Еще до войны он поступал в Московский архитектурный. Позже – на художественный факультет ВГИКа, откуда перевелся в Институт имени Сурикова (окончил в 1954 году, дипломная работа – картина «Освобождение Маньчжурии»). Потом – курсы киносценаристов. Он будет сочинять все подряд вплоть до фантастики и оперных либретто, иллюстрировать собственные книги, вплавлять стихи в прозу. Семнадцатисерийная телеповесть «День за днем», поставленная Всеволодом Шиловским по сценарию Анчарова в 1971 году, – первый советский сериал. Его герои, жильцы коммуналки, изобретают вечный двигатель, доказывают теорему Ферма, совершают удивительные открытия.

Интереснее всего Анчарову было размышлять о тайнах творчества, познания, мышления. Лирик-шестидесятник и философ-романтик, он любил писать о физиках. Верил в неслучайность случайного, вероятность невероятного, озарение, наитие, которое выше логики. Сохранил по-детски чистый, непосредственный взгляд на мир («Вопросы называются детскими, когда на них взрослые ответить не могут»). Творчество Анчаров называл «наиболее естественным поведением человека» и понимал его не как сумму известного ранее, а как скачок в новое качество. Поэзию считал ни много ни мало катализатором биологической эволюции, Леонардо да Винчи – «первым нормальным человеком будущего».

В 1950 году Анчаров вступил в партию – не из конъюнктурных соображений, а из идеалистических. Его биографы пишут, что искренний патриотизм, верность советской системе сочетались в Анчарове с неприятием коллективизма. Наверное, это потому, что художник – всегда одиночка. Анчаров повторял: «Равенство – это разнообразие». Народ в его понимании – «племя вождей», где «у каждого самого малого» – свой царь в голове. Генерал-десантник из повести «Золотой дождь» говорит: «Коммунизм – это равные возможности, а не стрижка под нулевку... Коммунизм – это не общее корыто с даровой едой, а общая взлетная полоса».

Искусство тот же генерал назвал «десантом за красотой». Земной десант Михаила Анчарова оборвался летом 1990 года. Небесный – пусть продолжится.

Изображенный Анчаровым летчик-мечтатель по прозвищу Сода-солнце – ищущий, разбрасывающийся, не веривший в общепринятое, интересовавшийся всем сразу, – однажды пропал. Улетел к солнцу, растворился в слепящем блеске.

А потом, конечно, вернулся. Согласно той самой теории невероятности.

